

«Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины. <.. >»

Б. Пастернак

ОТ АВТОРА

Эта книга о самом близком, горячо любимом, дорогом и глубоко уважаемом мной человеке — моем отце, Владимире Александровиче Котельникове.

К великому сожалению, сам он писать свои воспоминания категорически отказывался, так как считал, что это никому не интересно и не нужно. К тому же, говорил он, в художественной литературе и в мемуарах уже очень много и хорошо написано о времени, на которое пришлась его жизнь, о происходивших тогда более или менее значимых событиях и о судьбах многих людей, с которыми ему довелось встречаться и работать. В его же личной жизни, как считал он, не происходило ничего особенного: «Жил себе и жил, как все люди тогда жили. Только вот дожил до нового тысячелетия...»

К написанию книги о нем или изданию его трудов при жизни Владимир Александрович относился крайне отрицательно. Считал недопустимым «возвеличивание» человека при его жизни — «время должно рассудить». На предложение издать его труды к 95-летию он резко заявил: «Это напрасная трата государственных денег, сил и времени. Специалисты и так знают, где можно прочитать мои работы, а неспециалистам это и вовсе не нужно. Умру — делайте, что хотите».

В свою очередь сам Владимир Александрович с огромным интересом и удовольствием читал воспоминания других, особенно знакомых ему людей, восхищаясь их необыкновенными судьбами и часто тем, как хорошо это описано. Особенно ценил он книги Бориса Евсеевича Чертока «Ракеты и люди», к которому относился с глубочайшим уважением и большим теплом, восхищаясь, насколько талантливо и по содержанию, и по форме они написаны.

Когда в очередной раз я пристала к нему с уговорами все же написать воспоминания, убеждая, что они нужны и важны, если уж не «для истории», что он отрицает, то, во всяком случае, для нас — его родных, близких, его внуков, правнуков..., он ответил: «Вот сама и напишешь потом. Рассказываешь, вроде, не плохо — что-нибудь да получится. А мне жаль тратить свое время, его у меня не так много осталось. Легкостью пера, а тем более талантом писателя я не наделен, чтобы сделать это быстро и хорошо. У меня накопилось много интересных дел, которые давно уже не дают мне покоя, но руки до них не доходили, все не было времени. Теперь я стал посвободнее и хочу успеть с ними разобраться». (Владимир Александрович имел в виду свои последние работы по радиофизике и квантовую механику.)

Оказалось, что очень трудно писать о недавно ушедшем из жизни близком человеке. Это — боль постоянного ощущения безвозвратной утраты и в то же время — счастье «встречи», проживания его жизни и той части своей, которая прошла вместе или рядом с ним.

Когда душа срослась с **душой**
 И мысли **мысли** пронизали,
 Уход одной, вдруг, в Мир иной
 Для той, оставшейся, живой —
 Не просто горесть и печали.
 То — боль разодранной души,
 Смятение, вопль и крики в Вечность...
 В ответ — ни отклика в тиши...
 Мысль рвется следом... в Бесконечность...

Вдруг натянулась тетивой,
 Струна души, едва звеня.
 И закружился мыслью рой,
 И засияли краски дня...
 Сквозь перламутровый туман,
 Переливаясь, как опал,
 Сон, быль и сказочный обман
 Являют драмы ход, финал...
 Как зыбкий призрак, тут и там
 Всплывают поле, лес, река,
 Дома, дороги, город, Храм,
 Моря, чужие берега...
 Мелькают лица, мчатся дни,
 Вливаясь в Судьбы и Века.
 Событий вихрь и мерный ритм —
 Легла в Историю строка.
 И, погрузившись в этот мир,
 Страдая, радуясь, любя,
 Вдыхаешь жизни той эфир
 И пропускаешь сквозь себя,
 Стремясь прочувствовать, понять,
 Отсеять ложь и выбрать суть.
 И, обращая время вспять,
 Давно ушедшее вернуть...
 Палитра красок, звук, слова,
 Представят все, как наяву...
 Со свистом вырвалась стрела —
 Вдруг, — отпустило тетиву¹.

* * *

В работе над книгой были использованы воспоминания самого Владимира Александровича, записанные со слов или на диктофон, воспоминания родных, близких, друзей, коллег, семейные архивы и некоторые публикации.

Предваряя дальнейшее повествование, считаю необходимым сразу оговориться. При описании деятельности Владимира Александровича и оценке значимости сделанного им неизбежно употребляются такие определения, как «основоположник», «основатель», «родоначальник», «патриарх» и т.д., данные в работах других специалистов. При этом хочется подчеркнуть, что в случаях, когда речь идет о работах, выполнявшихся под его руководством коллективами сотрудников или организаций, никоим образом не умаляется роль его коллег, талантливых и замечательных людей, самоотверженно работавших над этими проектами, а лишь подчеркивается его лидирующая роль в этой деятельности. У самого Владимира Александровича, исключительно уважавшего и ценившего своих коллег, в лексиконе всегда превалировало местоимение «мы», а не «я».

¹ Здесь и далее по тексту стихи, автор которых не указан, принадлежат перу Н.В. Котельниковой.